

ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ О ЗАЩИТЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА

В середине XX века с подачи Г.М. Маклюэна¹ современный мир стал именоваться «глобальной деревней»: информация превратилась в основной ресурс и источник влияния. С увеличением объема информации и упрощения доступа к ней действия любого человека легко могут стать предметом критики со стороны Интернет-сообществ, средств массовой информации и отдельных лиц, как следствие этого, количество рассматриваемых судами дел о защите чести и достоинства неуклонно растет. В 2004 году на конференции «Честь и доброе имя: конфликт журналистики и юриспруденции» А.В. Осташевский отмечал, что количество судебных споров по ст. 152 ГК РФ «по уровню популярности соперничает с мелким хулиганством, кражами и восстановлением на работе»². Если в начале 2000-х годов к такому средству защиты прибегали в основном публичные персоны, то сейчас в суд с исками о защите чести и достоинства обращаются в равной мере и простые граждане, и представители всех ветвей власти и бизнеса, религиозных и общественных организаций. В настоящей статье постараемся на примере одного дела³ обозначить некоторые типичные проблемы, возникающие при рассмотрении дел о защите чести и достоинства.

Итак, основная проблема, с которой сталкивается суд при рассмотрении данной категории дел, заключается в установлении, какие из оспариваемых сведений являются утверждениями о факте, а какие оценочными суждениями, не подлежащими защите в порядке ст. 152 ГК РФ. Отличительный критерий фактов – проверяемость, т.е. только о факте можно сказать, истинен он или ложен, в то время как мнение (оценочное суждение) можно охарактеризовать лишь по принципу справедливое/несправедливое. Как указал Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) в постановлении по делу «Федченко против России», «само по себе требование доказать достоверность оценочного суждения невозможно исполнить, и оно само по себе нарушает свободу вы-

¹ Маклюэн, Г.М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / перевод с английского и примечания: А. Юдин. – М., 2003. [Электронный ресурс] // <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568> (дата обращения: 11.12.2014).

² Честь и доброе имя. Конфликт журналистики и юриспруденции. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. М.В. Горбаневского, А.К. Симонова. – М.: Медя, 2004. – С. 142.

³ Дело № 2-3638/2013, рассматривавшееся Басманным районным судом г. Москвы, поводом к которому стала публикация в ноябре 2013 года в «Новой газете» статьи «Это Ваш плагиат, Ваша честь?» о наличии в диссертации судьи Московского городского суда Д.В. Гордеюка некорректных заимствований из диссертации своего научного руководителя – судьи в отставке Ю.Ф. Беспалова.

ражения мнения, которая является фундаментальной составляющей права, защищаемого ст. 10 Конвенции»¹.

Несмотря на кажущуюся простоту, отделить оценочное суждение от суждения о факте далеко не так просто, и зачастую деятели суда фактически сводится к определению соответствия оценочных суждений действительности. Как верно подметил А.В. Остаевский, «в суде сталкиваются три отношения к слову: истца, ответчика и судьи – и, как следствие, три отношения к описываемому событию и к оценкам этого события... Исследование соответствия действительности нередко, если не сказать всегда, подменяется исследованием оценок, данных в публикации. В судах почти никогда не рассматриваются семантика, прагматика текста и мотивы написания»².

В том случае, когда отношение к слову, «картина мира» суда совпадает с «картиной мира» одной из сторон, противной стороне становится гораздо сложнее найти такие доводы в свою пользу, которые суд воспримет и учтет при вынесении решения. Например, в деле по иску Д.В. Гордеюка к Ю.Ф. Беспалова к «Новой газете» суд, основываясь лишь на собственной оценке спорного материала и не привлекая экспертов-лингвистов, посчитал установленным, что под видом мнения в статье содержались утверждения о факте. Данное обстоятельство свидетельствует о некритическом восприятии судом следующего довода истцов, основанного исключительно на субъективной оценке текста: «Снабжая кое-где по тексту умышленные обвинения словами: «кажется», «по всей видимости», «скорее всего» и т.п., и подкрепляя собственные высказывания ссылкой на сообщество «Диссернет», автор и редакция заблаговременно готовились к предстоящей защите. Мол, наши оценочные суждения и цитирования. Однако, это не так... Утвердительный, обвинительный характер статьи – еще одно свидетельство клеветы и оскорблений»³.

В связи с наличием большой доли судейского усмотрения при решении вопроса, какие из оспариваемых выражений являются утверждениями о факте, а какие оценочными суждениями, возникает необходимость выработки критериев, которыми мог бы руководствоваться суд при определении, что в оспариваемом материале есть утверждение о факте, а что – оценочное суждение. Подобный алгоритм существует в

¹ Постановление ЕСПЧ от 11.02.2010 по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 48195/06) // СПС КонсультантПлюс.

² Честь и доброе имя. Конфликт журналистики и юриспруденции. / Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. М.В. Горбаневского, А.К. Симонова. – М.: Медея, 2004. – С. 143-144.

³ Исковое заявление Д.В. Гордеюка, Ю.Ф. Беспалова к «Новой газете» [Не было опубликовано].

США, где в 1974 году в решении по делу «Герц против Вэлча»¹ Верховный Суд США сформулировал основные принципы, на основании которых можно отличить утверждение о факте от оценочного суждения².

Итак, первый критерий – точность языка, используемого в спорном материале. Если текст изобилует нечеткими, пространными выражениями, то это, скорее всего, мнение, если наоборот – то, скорее всего, спорный материал содержит значительное количество сообщений о фактах.

Второй критерий – проверяемость, т.е. возможность установить, соответствует ли утверждение имевшему место быть в действительности событию или явлению.

Третий критерий – критерий контекста. Спорный материал необходимо рассматривать целиком, а не «выдергивать» из него отдельные фразы. Только оценка всего текста в совокупности может дать ответ, имелась ли у автора спорного материала цель опорочить истца или он высказывал свое мнение, пусть и в резкой, шокирующей форме.

В плане учета контекста ситуация с рассмотрением дел о защите чести и достоинства в российских судах выглядит не оптимистично. Суд подвергает оценке только заявленные истцом фразы, абстрагируясь от контекста спорного материала, нередко истцы «выдергивают» порочащие, по их мнению, словосочетания и выражения из предложений³. Более того, и суды не всегда руководствуются позициями ЕСПЧ⁴, Конституционного⁵ и Верховного⁶ Судов РФ, неоднократно указывавших на недопустимость оценки отдельных оспариваемых выражений вне контекста спорного материала.

Четвертый критерий говорит о необходимости проверить, понятно ли читателю (адресату) спорного материала, в каком смысле употребляются в тексте стилистические приемы (гиперболы, метафо-

¹ Решение Верховного Суда США от 25.06.1974 по делу «Gertz v. Robert Welch, Inc.» // <https://web.archive.org/web/20101109113700/http://caselaw.lp.findlaw.com/scripts/getcase.pl?court=US&vol=418&invol=323>. Дата обращения: 11.12.2014.

² В общем виде суждения можно разделить на 3 группы: описательные (дескриптивные), оценочные, нормативные, при этом «чистые» описательные и оценочные суждения употребляются очень редко, в большинстве случаев используются оценочные суждения с фактической ссылкой (т.е. говорят не об объекте, а об отношении лица к объекту).

³ Решение Басманного районного суда г. Москвы от 06.12.2013 по делу № 2-3638/2013; решение Пресненского районного суда г. Москвы от 15.09.2014 по делу № 2-4796/2014 и др. [Не были опубликованы].

⁴ Постановление ЕСПЧ от 11.02.2010 по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 48195/06) // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 22.01.2014 № 13-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коблуковой Людмилы Борисовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации и решением суда общей юрисдикции» // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2013 № 10-КГ13-2 // СПС КонсультантПлюс.

ры, сравнения). Их использование чаще всего сопровождается мнением, а не суждение о факте.

В дальнейшем к обозначенным критериям был добавлен пятый, согласно которому политические обвинения, содержащиеся в материале, признаются выражением мнения, вследствие чего не подлежат защите в судебном порядке.

Свою классификацию оценочных суждений предложил Г. Резник. По его мнению, суждения, не являющиеся в чистом виде дескриптивными, можно разделить на пять групп: правовые, нравственные, деловые, политические и идеологические. Суждения последних двух групп не могут быть основанием для привлечения к ответственности, поскольку это противоречит положениям ст. 29 Конституции РФ. Что касается первых трех групп, то они могут быть признаны не соответствующими действительности, порочащими честь и достоинство личности в зависимости от конкретных обстоятельств дела. При этом Г. Резник полагает, что за оскорбительные высказывания возможна исключительно гражданско-правовая ответственность¹. Однако отечественный законодатель не разделяет эту позицию, о чем свидетельствует возвращение уголовной ответственности за клевету (ст. 128.1 УК РФ).

Следующая проблема, неразрывно связанная с предыдущей, – определение обстоятельств, подлежащих доказыванию. Что касается распределения бремени доказывания, то истец должен доказать, что спорные сведения были распространены ответчиком, а также порочащий характер данных сведений, а ответчик обязан доказать соответствие спорных сведений действительности. Таким образом, по данной категории дел установлена доказательственная презумпция недостоверности распространенных сведений, опровергнуть которую надлежит ответчику². Поэтому, если суд счел содержащееся в спорном материале оценочное суждение утверждением о факте, то, соответственно, он будет требовать от ответчика подтвердить достоверность данного суждения, чем фактически предрешит исход дела, поскольку, как уже говорилось, проверить на соответствие действительности можно лишь суждение о факте, но не оценочное суждение.

К данной проблеме тесно примыкают еще две, касающиеся стандарта доказывания, и какие доказательства можно считать надлежащими. Что касается стандартов доказывания, здесь, по нашему мне-

¹ Честь и доброе имя. Конфликт журналистики и юриспруденции. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами. Изд. 2-е, перераб. и доп. / под ред. М.В. Горбаневского, А.К. Симонова. – М.: Медиа, 2004. – С. 170-174.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц». – П. 7.

нию, следует придерживаться позиции ЕСПЧ: в делах о защите чести и достоинства не может применяться такой же стандарт доказывания, как в уголовном процессе¹. Если поднятая в спорном материале проблема является общественно значимой, то достаточно, чтобы ответчик мог подтвердить наличие фактических оснований только по части оспариваемых сведений. Например, в рассматриваемом нами деле по иску Д.В. Гордеюка и Ю.Ф. Беспалова к «Новой газете» истцы, заявляя о несоответствии действительности сведений о наличии в диссертации Д.В. Гордеюка некорректных заимствований из диссертации его научного руководителя Ю.Ф. Беспалова, ссылались на то, что соответствие диссертации Д.В. Гордеюка установленным требованиям подтверждено положительным решением диссертационного совета и одобрено экспертным советом ВАК при Минобрнауки РФ. Также, по мнению истцов, все экспертизы, о которых говорилось в статье, неправомерны, поскольку проверяющие не были наделены правом на их проведение. Суды первой и апелляционной инстанций согласились с доводами истцов и, отклонив ходатайства ответчиков о проведении автороведческой экспертизы и не осуществив самостоятельного сравнения текстов, сочли факт несоответствия распространенных в статье сведений доказанным. Однако Верховный Суд РФ посчитал ошибочными выводы судов первой и апелляционной инстанций, указав, что положительное решение диссертационного совета и диплом кандидата наук не являются допустимыми доказательствами, что диссертация истца не содержит некорректных заимствований, поскольку подтверждают лишь прохождение диссертацией процедуры защиты и наличие у истца ученой степени, но не содержание самой диссертационной работы. Именно поэтому проверке судом подлежат тексты диссертаций, в отношении которых в оспариваемом материале содержатся сведения о наличии некорректных заимствований, а не наличие/отсутствие у истца диплома кандидата наук².

Следующая проблема, на которую необходимо обратить внимание, – определение границ допустимой критики в отношении отдельных категорий лиц. Несмотря на наличие международных правовых актов, постановлений Конституционного и Верховного Судов РФ, отечественная правоприменительная практика по данному вопросу достаточно противоречива. Нет единого мнения и в правовых системах общего и континентального права. Например, в 1992 году Высокий Суд Австралии определением по делу «Нешнвайд Ньюс против Виллса» постановил, что пределы критики в отношении представителей

¹ Постановление ЕСПЧ от 11.02.2010 по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации» (жалоба № 48195/06) // СПС КонсультантПлюс.

² Определение Верховного Суда РФ от 28.10.2014 № 5-КГ14-95 // СПС КонсультантПлюс.

судебной власти должны быть такими же, как и по отношению к представителям законодательной и исполнительной властей, т.е. должны предусматривать очень широкую свободу дискуссий¹.

Если говорить о практике Европейского Суда по правам человека, то и она неоднозначна. Например, в знаменитом постановлении по делу «Лингенс против Австрии» ЕСПЧ указал, что «свобода политической дискуссии составляет стержень концепции демократического общества... Соответственно, пределы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первый должен проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества к каждому его слову и действию»². Однако в деле «Барфод против Дании»³ ЕСПЧ счел, что границы допустимой критики в адрес присяжных заседателей (в частности, высказанные Барфодом сомнения в их беспристрастности) не тождественны той критике, которой могут подвергаться политические деятели: «Оспариваемое заявление не было критикой мотивировки решения... скорее было диффамационным обвинением против двух судебных заседателей лично, которое могло унижить их в глазах общественности и было выдвинуто без соответствующих доказательств. В виду этих соображений, политический контекст, в котором рассматривалось дело о налогообложении, нельзя считать уместным для решения вопроса о пропорциональности». С этим выводом не согласился судья Гелькюкю, указав в особом мнении, что «вмешательство государственных органов в осуществление заявителем права на свободу выражения мнения не может рассматриваться как «необходимое в демократическом обществе» и что, таким образом, имело место нарушение статьи 10 Конвенции». Но, несмотря на наличие особого мнения судьи Гелькюкю, официальная позиция ЕСПЧ такова, что в конкретных случаях возможно сужение границы допустимой критики, особенно если это может отразиться на авторитете судебной власти и ее представителей.

Согласиться с позицией ЕСПЧ, высказанной в постановлении по делу «Барфод против Дании», нельзя. По нашему мнению, в отношении к представителям судебной власти границы допустимой критики могут быть шире, чем в отношении к обычным гражданам, хотя не такие, как к представителям законодательной и исполнительной властей. Судья больше, чем кто бы то ни было, всем своим поведением должен

¹ Решение Высокого Суда Австралии от 30.09.1992 по делу «Nationwide News Pty Ltd. v. Wills» // <http://www.austlii.edu.au/au/cases/cth/HCA/1992/46.html> (дата обращения: 11.12.2014).

² Постановление ЕСПЧ от 08.07.1986 по делу «Лингенс (Lingens) против Австрии» // СПС Консультант Плюс.

³ Постановление ЕСПЧ от 22.02.1989 по делу «Барфод (Barfod) против Дании» // СПС Консультант Плюс.

демонстрировать приверженность букве и духу закона, и если он считает для себя возможным отступить от следования данному принципу, то общество имеет право знать об этом и высказывать свою позицию касательно таких действий. Авторитет представителей судейского корпуса должен проистекать из их профессиональной деятельности и поведения вне стен суда, а не из запрещения или пресечения критических высказываний в их адрес. В противном случае утрачивает всякий смысл существование положения, закрепленного в п. 5 ст. 13 Кодекса судейской этики, согласно которому личное обращение судьи в правоохранительные органы с целью защиты чести и достоинства или в средства массовой информации для публичного ответа на критику целесообразно тогда, когда иные способы реагирования исчерпаны или прибегнуть к ним не представляется возможным¹.

Что касается рассматриваемого казуса, то реакция Д.В. Гордеюка и Ю.Ф. Беспалова на статью в «Новой газете» в виде подачи иска говорит, скорее, о слабом авторитете служителей Фемиды. Примечательно, что тремя годами ранее в одном из интервью заместитель председателя Московского городского суда в ответ на вопрос, как стоит реагировать судьям на критику в СМИ, заявила, что «судья не пойдет в суд с иском о защите чести и достоинства... Потому что он выше этого»². С этим нельзя не согласиться, и хочется надеяться, что остальные судьи воспримут и будут придерживаться данной позиции, а не пытаться на любое критическое замечание в СМИ идти в суд с иском о защите чести и достоинства.

И последняя проблема, на которой хотелось бы остановиться, – это определение размера компенсации морального вреда. Как указал Верховный Суд РФ, при определении размера компенсации морального вреда, судам надлежит исходить из обстоятельств конкретного дела, а также руководствоваться принципами разумности и справедливости³. Еще в 1910 г. проф. С.А. Беляцкий писал, что «только деяния, существенно затрагивающие личные права и личные блага в обширном смысле, влекут за собой обязанность возмещения... Законодатель должен дать судье разрешение для всех случаев, делая ему общее указание о своей воле, чтобы возмещение получалось лишь за действительные страдания и ущерб, заслуживающий признания и внимания. Ограничение размера присужденного требования имущественными средствами нарушителя устранил возможность разорительных для многих лиц ре-

¹ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) // СПС Консультант Плюс.

² Споры о защите чести и достоинства / На что жалуемся? (совместно с Мосгорсудом) (эфир радиопередачи от 25.10.2010) // <http://www.echo.msk.ru/programs/court/720397-echo/#element-text> (дата обращения: 11.12.2010).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда». – П. 1 // СПС Консультант Плюс.

шений о возмещении морального вреда»¹. Однако если посмотреть на отечественную практику, складывается парадоксальная картина: при схожих обстоятельствах размер компенсации морального вреда по делам о защите чести и достоинства, взыскиваемый в пользу представителя власти, зачастую значительно выше, чем размер компенсации, присуждаемой обычному гражданину.

Например, в деле по иску Д.В. Гордеюка и Ю.Ф. Беспалова к «Новой газете» суд в полном объеме удовлетворил заявленные требования и взыскал с редакции в пользу каждого из истцов по 100 тыс. руб., с автора статьи – по 50 тыс. руб. По иску по схожим основаниям, предъявленному теми же лицами к журналу «The New Times», Пресненский районный суд г. Москвы взыскал с редакции в пользу каждого из истцов компенсацию морального вреда в размере 500 тыс. руб. и по 50 тыс. руб. – с автора статьи². Очевидно, что в данном случае размер присужденной компенсации носил характер «разорительного решения», принятого без учета финансового положения издания и имущественного положения автора статьи. В то же время размер компенсации морального вреда по искам обычных граждан редко превышает 20-40 тыс. руб.

Подводя итог сказанному, с сожалением приходится признать, что дела о защите чести и достоинства из способа защиты нарушенного права зачастую превращаются в средство борьбы с мнением. Анализ судебной практики показывает, что это касается не только оппозиционных общественных деятелей, но и обычных граждан, обращающихся с жалобами на решения и действия представителей власти. В этой связи обращает на себя внимание казус, описанный Уполномоченным по правам человека в отчетном докладе за 2013 год. Гражданин Ф. был признан виновным в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство старшего инспектора ГИБДД, при этом «вина» Ф. состояла лишь в подаче жалобы на инспектора, который, по мнению заявителя, ввел его в заблуждение»³. Суды двух инстанций признали Ф. виновным в распространении заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство должностного лица. И только благодаря вмешательству Уполномоченного по правам человека областной суд отменил постановления нижестоящих судов, сняв с Ф. все обвинения. Примеры подобных дел, но с другим исходом, без труда можно найти в отечественной правоприменительной практике. Сложившаяся ситуация

¹ Беляцкий, С. Возмещение морального (неимущественного) вреда / С. Беляцкий // Право. – 1911. – № 33. – 178б.

² Апелляционным определением Московского городского суда от 22.04.2014 по делу № 33-10790 размер компенсации морального вреда был снижен до 100 тыс. руб. и 20 тыс. руб. соответственно.

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2013 год // <http://ombudsmanrf.org/doklady/7265> (дата обращения: 11.12.2014).

настораживает, поскольку свидетельствует об отходе российского судопроизводства от принципов, заложенных ст. 10 Конвенции о защите основных прав и свобод человека и ст. 29 Конституции РФ.

ХАТЯНОВИЧ Л.С.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИЧНОСТИ ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ НАСИЛЬСТВЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Личность преступника, с одной стороны, – понятие общесоциологическое, с другой – юридическое. Это означает, что личность преступника нельзя рассматривать в отрыве от его социальной сущности, вне связи со всей системой общественных отношений, в которую он включен. Под их воздействием формируется социальный облик преступника как целостное единство конкретного лица с образующими его нравственно-психологическими чертами и свойствами (взгляды, убеждения, ценностные ориентации, жизненные ожидания, интеллектуальные и волевые свойства).

В зависимости от криминогенной мотивации в криминологии выделяют корыстный и насильственный тип женщин-преступниц.

По данным уголовной статистики, в 2007 году в Республике Беларусь женщинами было совершено 161 убийство и покушение на убийство из 724 зарегистрированных случаев. В последующие годы число убийств и покушений на убийство, совершенных женщинами, значительно снижается. В 2009 было зафиксировано 94 таких случая (из 610), в 2010 – 69 (из 515), в 2011 – 67 (из 420) и в 2012 – 66 (из 369). Снижение это, впрочем, было связано с общим сокращением числа убийств. Удельный вес убийств, совершенных женщинами, в их общем числе оставался относительно стабильным.

Умышленного причинения тяжких телесных повреждений, совершенных женщинами было зафиксировано в 2007 г. 335 случаев (мужчинами – 1505), в 2009 – 273 (мужчинами – 1271), в 2010 – 229 (мужчинами – 1172), в 2011 – 209 (мужчинами – 1033), в 2012 – 177 (мужчинами – 770)¹.

Насильственная мотивация определяется системой мотивов и индивидуально-психологических свойств, которая обуславливает выбор индивидом агрессивных вариантов поведения. Она включает широкий спектр побуждений, характерных для преступности женщин. Анализ структуры мотивации позволил выделить следующие типы мотивов.

¹ Женщины и мужчины Республики Беларусь: стат. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – 2013. – С. 206.